
Законъ о старообрядческихъ общинахъ въ связи съ отношеніемъ Церкви и Государства.

(*Продолженіе*).

Признаніемъ необходимости для государства не нарушать связи съ Православной Церковью наконецъ нисколько не оправдываются тѣ недостатки, которые вкрались въ ихъ отношенія въ Россіи и то ненормальное положеніе, въ которомъ находится наше церковное управленіе.

Развѣ соответствовало указанной выше природѣ церковнаго общенія, наприм., принудительное пребываніе въ Православной Церкви, требовавшееся государствомъ? Развѣ не печальное явленіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ составляло обязательное участіе въ св. таинствахъ Церкви, когда особенно нужна искра свободной вѣры и нравственно-духовная связь съ Церковью, для всѣхъ людей, разѣ записанныхъ въ православныя метрическія книги, независимо отъ ихъ дѣйствительной вѣры и отношенія къ Церкви? Какъ запутывались при этомъ отношеніи духовенства къ людямъ, которые завѣдомо для него отвергали Церковь! Сколько невыразимо грустныхъ минутъ приходилось переживать пастырямъ и съ какой болью сердца многіе изъ нихъ должны были итти на тяжелый компромисъ въ своей пастырской совѣсти!

Все это въ извѣстномъ смыслѣ едва-ли не слѣдуетъ прямо назвать даже насиліемъ надъ Церковью.

Немалое зло причинило затѣмъ Церкви обращеніе духовенства въ чиновниковъ разныхъ ранговъ и степеней съ символическимъ выраженіемъ этого въ дарованіи имъ свѣтскихъ

орденовъ и случавшееся иногда пользованіе духовенствомъ со стороны государственной власти въ интересахъ своей политики ¹⁾. Даже для такой дѣятельности, какъ миссіонерская, которая по преимуществу требуетъ простоты и нравственно-духовной свободы, у насъ бывали назначаемы при генераль-губернаторахъ свѣтскіе лица, въ качествѣ чиновниковъ особыхъ порученій по миссіонерскимъ дѣламъ, и дѣйствовали, очевидно, въ единеніи съ генераль-губернаторской властью. Такое положеніе, естественно, не только не способствовало религіозной нравственной жизни народа и общества, но и вызвало у нихъ нерасположеніе и даже вражду къ Православной Церкви съ явнымъ смѣшеніемъ, у однихъ понятія церкви и церковнаго управленія, у другихъ понятія церкви и духовенства.

Подъ подобными вліяніями, къ несчастію, происходитъ разработка и обсужденіе вѣроисповѣданныхъ законовъ. Среди нашихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей оказывается очень мало людей, которые могли бы отдать себѣ ясный отчетъ въ природѣ и значеніи Церкви и сумѣли бы въ отношеніяхъ ея къ государству отдѣлить здоровое зерно отъ вкравшихся недостатковъ. Такъ принудительная принадлежность къ Церкви не гарантируетъ даже достаточнаго ознакомленія съ нею.

Еще на засѣданіяхъ Предсоборнаго присутствія въ 1906 г. мы старались обратить вниманіе, что въ дѣлѣ церковныхъ преобразованій, не исключая и сферы церковно-государственныхъ отношеній, нельзя дѣйствовать по контрасту, отправляться въ своихъ соображеніяхъ отъ существующихъ недостатковъ лишь въ противоположную сторону. Въ этой области болѣе, чѣмъ гдѣ-либо имѣютъ значеніе принципы, и изъ неправильнаго примѣненія на практикѣ принципа еще вовсе не вытекаетъ необходимость замѣны его противоположнымъ. Нужно только уничтожить не подходящія формы и порядки и создать другія болѣе соотвѣтствующія правильному принципу. Нельзя смѣшивать понятіе необходимости нравственно-духовной связи государства съ Церковью и вызываемыхъ

¹⁾ Примѣч. Подробнѣе обо всемъ этомъ нами высказано въ книгѣ „Церковь, духовенство и общество. . Москва, 1905 г.

этимъ извѣстныхъ внѣшнихъ дѣйствій съ понятіемъ вмѣшательства государства въ дѣла Церкви и преслѣдованія здѣсь государствомъ своихъ политическихъ цѣлей ¹⁾. Последнее не допустимо, а первое требуетъ въ Россіи лишь установленія правильныхъ формъ и порядковъ, что составляетъ одинъ изъ важныхъ современныхъ государственныхъ вопросовъ.

Для обозначенія исключительнаго положенія какой-либо одной церкви въ государствѣ обыкновенно употребляютъ не совѣтъ удачное выраженіе: „Господствующая церковь“. Оно невольно связывается съ понятіемъ господства, которое свойственно государству и носить болѣе внѣшній характеръ. Этотъ терминъ принятъ и русскимъ законодательствомъ и, естественно, примѣняется имъ къ Православной Церкви.

Установленіе положенія Православной Церкви, въ качествѣ господствующей, отнюдь не можетъ быть разсматриваемо, какъ полагаютъ нѣкоторые, лишь принадлежностью прежняго государственнаго строя Россіи. При его преобразованіи верховная власть въ разныхъ случаяхъ желала ясно отмѣтить, что несмотря на измѣненіе въ строѣ государства существующее положеніе въ немъ Православной Церкви должно быть сохранено.

Въ Высочайшемъ манифестѣ 26 февраля 1903 года Государь императоръ объявилъ, что основными законами Имперіи Православная Церковь благоговѣнно почитается первенствующей и господствующей. Въ Высочайше утвержденномъ журналѣ Комитета Министровъ, послужившемъ основаніемъ для именнаго Высочайшаго указа Сенату 17 апрѣля 1905 г., прямо сказано, что измѣненіями въ законодательствѣ для осуществленія терпимости въ дѣлахъ вѣры отнюдь не должно быть поколеблемо устанавливаемое основными законами государства положеніе, признающее первенствующей и господствующей въ Россіи вѣру православную. „Значеніе узъ исторически скрѣпившихъ во едино судьбы государства русскаго и православной Церкви отнюдь не должно быть умаляемо... ²⁾).

¹⁾ Н. Д. Кузнецовъ По вопросамъ церковныхъ преобразованій. Докладъ I Отдѣлу Предсоборнаго Присутствія 31 мая 1906 г. Москва 1907 г. а также Журналы и Протоколы засѣданій Присутствія т I Слб 1906 г.

²⁾ Особый журналъ Комитета Министровъ 25 января. 1. 8 и 15 февраля

Поэтому, естественно, что и съ введеніемъ новаго государственнаго строя въ основные законы, въ томъ I часть I гл. VII Свода Законовъ Россійской Имперіи, изданія 1906 г., вопли сознательно внесена 62 статья, по которой „Первенствующая и господствующая въ Россійской Имперіи вѣра есть христіанская православная Кафолическаго Восточнаго Исповѣданія...

Не находя возможнымъ отрицать такое ясное указаніе законовъ государства, иные пытаются истолковать его въ томъ смыслѣ, что первенство и господство Православной Церкви нужно понимать духовно и относить его лишь къ духовной области, что это нѣчто въ родѣ, такъ называемыхъ на юридическомъ языкѣ, *lex imperfecta* (законъ несовершенный), въ родѣ, наприм. 106 ст. тома X ч. I, по которой мужъ долженъ любить свою жену какъ собственное тѣло, но которую законъ не можетъ обязать исполнить.

Но въдъ основной законъ о положеніи Православной Церкви принадлежитъ къ законамъ права публичнаго, охраняющаго интересы общегосударственные и ограждающаго общественный порядокъ. Въ этомъ законѣ ясно выражено одно изъ непремѣнныхъ требованій русскаго государственнаго порядка, при чемъ въ 63 ст. того же тома I ч. I главы VII законъ устанавливаетъ и одно изъ реальныхъ выраженій этого требованія, что Государь Императоръ, обладающій престоломъ Всероссійскимъ, не можетъ исповѣдывать никакой другой вѣры кромѣ православной.

Далѣе въ ст. 64 основные законы указываютъ, что отношенія Государя Императора къ Православной Церкви не ограничиваются одной принадлежностью его къ Церкви, но въ силу его государственнаго положенія побуждаютъ и къ извѣстнымъ положительнымъ заботамъ о благѣ Церкви. По 64 ст. т. I. ч. 1. Императоръ, яко христіанскій государь, есть верховный защитникъ и хранитель догматовъ господствующей вѣры, и блюститель правовѣрія и всякаго въ Церкви святой благочестія... но, конечно, такую редакцію закона заимствованную однако изъ прежнихъ основныхъ законовъ, едва-ли можно признать удачной, и она уже давно

1905 года о порядкѣ выполнения 6 п. Именного Высочайшаго Указа 12 декабря 1904 года.

требуетъ измѣненія, на что мы обращали вниманіе еще въ 1906 году на засѣданіяхъ Предсоборнаго Присутствія ¹⁾).

Въ Высочайше утвержденномъ журналѣ Комитета Министровъ въ числѣ главныхъ особенностей, придающихъ Православной Церкви значеніе господствующей и подлежащихъ сохраненію и на будущее время, отмѣчены принадлежность къ ней Государя Императора, свобода привлеченія послѣдователей и получение изъ общегосударственныхъ доходовъ денежныхъ средствъ для удовлетворенія своихъ нуждъ ²⁾).

Всѣми этими перечисленіями закона, конечно, не исчерываются указанія, какъ должно и можетъ выражаться первенствующее и господствующее положеніе Церкви. Но во всякомъ случаѣ, какъ видимъ, оно не ограничивается духовной областью, а выражается въ конкретномъ государственномъ устройствѣ, законодательствѣ и управленіи.

Принятое въ нашихъ законахъ понятіе первенствующей и господствующей Церкви, очевидно, направлено къ установленію связи государства съ религіознымъ началомъ въ его конкретной исторической формѣ. Господствующая Церковь это именно та, съ которой государство признаетъ для себя нужнымъ находиться въ нравственно-духовной связи, какъ съ хранительницей христіанской религіи и нравственности. Соотвѣтственно этому опредѣляются и разные другіе случаи содѣйствія государства ея великой дѣятельности.

Если русское государство не желаетъ искать основанія и запутываться въ неопредѣленныхъ понятіяхъ гуманности, а по отношенію къ нравственности считаетъ необходимымъ для народа ея конкретный образецъ, если оно стремится удовлетворять высшимъ духовнымъ интересамъ народа, то помимо другого государство обязано способствовать религіозно-нравственному обученію и вообще развитію народа въ духѣ Православной Церкви, матеріально содѣйствовать просвѣтительной дѣятельности Церкви содержаніемъ на государственный счетъ духовно-учебныхъ заведеній и т. п.

Государство не можетъ оставаться затѣмъ равнодушнымъ, наприм., къ недостатку православныхъ храмовъ и средствъ

¹⁾ Н. Д. Кузнецовъ. По Вопросамъ церковныхъ преобразованій. Отд. III Докладъ I отдѣлу. Присутствія 31 Мая 1906 г.

²⁾ Особый журналъ Комитета Министровъ.

для богослуженія. Если государство устраиваетъ и содержитъ съ просвѣдительными цѣлями академіи, музеи, театры, которыми пользуется сравнительно малая часть народа, то неужели тѣмъ болѣе оно не обязано способствовать, наприм., созданію, гдѣ нужно, храмовъ, что обыкновенно не можетъ дѣлать самъ народъ.

Храмами можетъ пользоваться всякій, и особенно въ нихъ народъ поддерживааетъ свое религіозное настроеніе, получаетъ уроки нравственно-духовной жизни и должнаго отношенія къ ближнимъ, постоянно слыша о Томъ, въ Комъ источникъ настоящей жизни и Кто положилъ душу Свою за людей.

По утверженію нашего великаго писателя Н. В. Гоголя, умѣвшаго наблюдать людей, человѣкъ по выходѣ изъ храма, гдѣ присутствовалъ при Божественной трапезѣ любви, скорѣе глядитъ на всѣхъ какъ на братьевъ. „И если общество еще не совершенно распалось, замѣчаетъ Гоголь, если люди не дышатъ полною непримиримой ненавистью между собой, то сокровенная причина тому есть божественная литургія, напоминающая человѣку о святой небесной любви къ брату“ ¹⁾...

Никакое теоретическое преподаваніе нравственности не можетъ итти въ сравненіи съ тѣмъ, что обыкновенно приобрѣтаетъ народъ въ храмѣ.

Государство должно способствовать также поддержанію духовнаго значенія праздниковъ, установленныхъ Церковью. Если же второстепенныхъ праздниковъ съ остановкой обычной жизни образовалось, наприм., очень много, и свобода отъ занятій въ праздники даетъ поводъ къ праздничному разгулу, то необходимость сокращенія праздниковъ государство не можетъ обосновывать на однихъ экономическихъ интересахъ, какъ это дѣлаютъ теперь у насъ нѣкоторые люди, призванные къ участию въ законодательствѣ. Задача государства не исчерпывается экономическими цѣлями, и требованіе во имя ихъ сокращенія числа праздниковъ, естественно, вызываетъ недовольство и упреки въ стремленіи пренебречь потребностями нравственно-духовной жизни на-

¹⁾ Сочиненія Н. В. Гоголя. Размышленіе о Божественной литургіи заключеніе.

рода. Настаивая на сокращеніи праздниковъ, государство должно вмѣстѣ съ тѣмъ позаботиться получше оградить духовное значеніе остающихся. Напримѣръ, при введеніи у насъ закона о праздничномъ отдыхѣ слѣдовало подумать оградить свободу лицъ торговыхъ служащихъ не въ то время, когда удобно идти въ клубы, рестораны и разныя мѣста увеселенія, а прежде всего предоставить имъ возможность быть свободными въ тѣ часы, когда совершается богослуженіе. Даже въ такомъ городѣ, какъ Москва, праздничная торговля теперь разрѣшена отъ 9 до 2 часовъ дня, какъ разъ во время литургіи въ храмахъ.

Государство можетъ способствовать въ извѣстныхъ предѣлахъ, чтобы ученіе и слово Церкви свободно проникали всюду и чтобы ничья совѣсть и никакимъ насиліемъ не была лишена возможности слышать о христіанскомъ пути жизни.

Далѣе, въ виду, наприм., важнаго значенія въ Церкви іерархіи государству слѣдуетъ предоставить духовенству извѣстное положеніе и тѣ или другія права и средства.

Вообще отношеніе государства къ Церкви можетъ выражаться въ сообщеніи ей публичныхъ и частныхъ правъ, въ признаніи юридической силы за тѣми или другими дѣйствіями по церковному управленію, въ доставленіи матеріальныхъ средствъ, въ огражденіи Церкви отъ нападеній и оскорбленій и т. д. Трудно, да и лишнее перечислять всѣ пути, которыми государство можетъ содѣйствовать жизни и дѣятельности Церкви въ окружающемъ насъ внѣшнемъ мірѣ, но всѣ эти пути, конечно, не должны находиться въ противорѣчьи съ природой и задачами церковнаго общенія.

Дѣятельность государства для блага Церкви едва-ли не походить въ нѣкоторомъ смыслѣ на ту, которой оно, выражаетъ, наприм., заботы о процвѣтаніи наукъ и искусствъ. Само государство бессильно создать настоящаго ученаго или художника, двигать науку, производить открытія, и т. п. но оно, безъ сомнѣнія, можетъ очень способствовать всему этому, создавая разныя благопріятныя внѣшнія условія.

Во всякомъ случаѣ самая природа Православной Церкви, съ которой государство связываетъ себя нравственно-духовно, требуетъ со стороны государства признанія ея въ качествѣ самостоятельнаго общенія. Поэтому Церкви должна быть предоставлена полная возможность жить и управляться по

своимъ собственнымъ принципамъ и правиламъ. Созданіе же благопріятныхъ для осуществленія великихъ цѣлей Церкви внѣшнихъ условій, естественно, возлагается на государство.

Въ послѣднее время появилось не мало людей, выдающихъ себя за доброжелателей Церкви, хотя большинство изъ нихъ не находятъ даже нужнымъ къ ней принадлежать. Эти „доброжелатели“ поучаютъ, что подобное отношеніе между Церковью и государствомъ очень вредно для блага Церкви, и потому государство должно совершенно игнорировать Церковь и ничѣмъ не способствовать ея жизни и дѣятельности.

„Церковь преслѣдуетъ духовныя цѣли, твердятъ теперь перѣдко, и должна дѣйствовать лишь—духовнымъ образомъ. Она царство не отъ міра сего. Чѣмъ меньше Церковь будетъ располагать всякими внѣшними благами и правами и чѣмъ болѣе будетъ даже претерпѣвать отъ окружающаго міра, тѣмъ возвышеннѣе, и духовнѣе будетъ она. Пользованіе матеріальными средствами унижаетъ природу Церкви и не соотвѣтствуетъ ея великимъ задачамъ. Глава ея, Христосъ, не имѣлъ гдѣ преклонить Свою главу и указывалъ своимъ послѣдователямъ на птиць небесныхъ, которыя не сѣютъ, не жнутъ и не собираютъ въ житницы... Церкви нужно освободиться отъ всякой связи съ государствомъ, которое пользовалось ею въ своихъ земныхъ цѣляхъ, и своими заботами о ней можетъ только загрязнять ее“.

Многіе, сбитые съ толку современнымъ хаосомъ разныхъ мнѣній и множествомъ сразу выдвинувшихся потребностей государственной и церковной жизни, въ которыхъ они не привыкли разбираться, готовы раздѣлять подобныя соображенія. Но пусть они не забываютъ, что если по направленію этой точки зрѣнія итти дальше, то вѣдь придется признать, что для Церкви всего полезнѣе быть гонимой, а для ея членовъ самый подходящій путь жизни, когда имъ будутъ создавать внѣшнія затрудненія принадлежности къ Церкви, а пожалуй даже и мучить за приверженность ко Христу. По крайней мѣрѣ тогда уже навѣрное обнаружится искренность ихъ пребыванія въ Церкви и твердость вѣры во Христа.

Отсюда выходитъ, что чуть-ли не самое желательное для

Церкви отношеніе обнаружило къ ней древнее римское государство во времена императоровъ Нерона, Декія, Діоклетіана и другихъ жестокихъ гонителей, которые сожигали христіанъ и подвергали ихъ всякаго рода мученіямъ. Если дьяволъ нѣкогда искушалъ Христа требованіемъ превратить камни въ хлѣбы, то теперь Церковь Его пытаются искусить обратнымъ требованіемъ отказаться отъ хлѣба, согласиться на замѣну его камнями и при этомъ умѣть существовать и дѣйствовать въ окружающемъ матеріальномъ мірѣ.

Членовъ Церкви, т. е. особаго основаннаго на землѣ общества людей, состоящихъ изъ духа тѣла, нуждающихся въ разнообразныхъ матеріальныхъ средствахъ для своей жизни и дѣятельности и подверженныхъ, какъ и само государство, дѣйствию общихъ законовъ, вдругъ подъ видомъ блага самой Церкви убѣждаютъ устраивать существованіе чуть-ли не независимое отъ всѣхъ этихъ условій.

Поддаться навѣяннымъ мыслямъ быть не тѣмъ, что есть, и пренебрегать условіями жизни—значить просто впасть въ искушеніе.

Со стороны представителей церковныхъ интересовъ было бы неблагоразумно и даже преступно передъ Церковью, наприм., признать допустимымъ обращеніе церковнаго имущества на другія цѣли или вообще находить излишнимъ созданіе для Церкви разныхъ другихъ благопріятныхъ внѣшнихъ условій.

Кромѣ того государство, доставляя Церкви матеріальныя блага и разныя права, облегчающія ея внѣшнее существованіе и дѣятельность, обращаетъ ихъ черезъ это на служеніе высшимъ цѣлямъ человѣческой жизни и само въ извѣстной степени привлекается къ участию въ этомъ великомъ дѣлѣ.

Способствованіе государства по мѣрѣ его возможности церковнымъ цѣлямъ, какъ мы видѣли, необходимо для него въ религіозно-нравственномъ отношеніи, и представляетъ одинъ изъ видовъ свойственнаго государству служенія Богу.

При такихъ условіяхъ Церковь не только не можетъ отвергать извѣстныхъ заботъ о ней со стороны государства, но даже обязана принимать ихъ по духу Своего Основателя. Милостивыя указанія Спасителя, что въ Его глазахъ имѣеть

значеніе даже чаша холодной воды, поданная Его ученику, небольшая жертва на храмъ, приношеніе для Его помазанія драгоценнаго мѣра,—нѣтъ основанія не относить и къ тому коллективному цѣлому, каково государство.

А развѣ можно затѣмъ думать по отношенію къ Церкви, что фактъ принятія ею матеріальныхъ благъ и разныхъ правъ отъ государства повредитъ ея дѣятельности или можетъ осквернить ее. Вѣдь блага эти и права не болѣе, какъ средство, которое можно употреблять для тѣхъ или другихъ цѣлей. Церковь же стремится все привлекать къ высшему служенію и во все вкладывать иной духъ. Что же говорить о матеріальныхъ благахъ и юридическихъ правахъ, когда Церковь настойчиво призываетъ къ себѣ людей падшихъ, зараженныхъ зломъ,—разбойниковъ и всякихъ грѣшниковъ, и отъ присутствія ихъ не только не боится оскверниться, но дѣлаетъ изъ нихъ людей съ другими мыслями, чувствами и желаніями!

Если же духовенство иногда и злоупотребляетъ средствами, получаемыми Церковью отъ государства, или само государство вмѣшивается въ *ненадлежащую* область, то вѣдь это слѣдуетъ лишь всячески предупреждать, наприм. путемъ возможно правильнаго устройства церковнаго управленія. На основаніи подобныхъ фактовъ уже вовсе нельзя разрѣшать вопросъ принципиально, да еще непременно въ отрицательномъ смыслѣ. Не будемъ забывать, что самъ апостоль Павелъ во время своего апостольскаго служенія не пренебрегалъ своими правами, соединенными со званіемъ римскаго гражданина, и пользовался ими, когда находилъ это нужнымъ (Дѣянія XXII, 25—29).

Вспомнимъ затѣмъ многихъ великихъ представителей Церкви временъ вселенскихъ соборовъ, каковы наприм. св. Григорій Богословъ, св. Іоаннъ Златоустъ, св. Василій Великій и друг., а также соображенія и дѣйствія самихъ соборовъ. Высота ихъ религіознаго созерцанія, сила христіанской вѣры и пониманія задачъ Церкви таковы, что намъ приходится поучаться у нихъ и ими провѣрять себя. Между тѣмъ они не только не усматривали въ полученіи возможныхъ услугъ отъ государства, сознающаго исключительное значеніе Церкви, чего—либо ее оскверняющаго, но находили, что въ извѣстныхъ случаяхъ оно составляетъ обязанность государ-

ства, если оно съ своей стороны желаетъ въ свою мѣру послужить дѣлу Церкви ¹⁾).

Не слѣдуетъ забывать, наприм. 104 правило Карфагенскаго Собора, инструкцію, данную соборомъ посламъ его къ императорамъ по поводу насилій, производимыхъ послѣдователями донатистскаго раскола надъ православными епископами, клириками и мірянами и вторженій донатистовъ въ православные храмы. Въ ней между прочимъ Карфагенскій соборъ утверждаетъ, что „царскому человѣколюбію предстоитъ попещисъ, чтобы родившая ихъ благочестными во Христѣ и крѣпостію вѣры воспитавшая Кафолическая Церковь была ограждена ихъ заботливостію, дабы въ благочестивое ихъ царствованіе дерзкіе люди, не могущіе совратить народа посредствомъ убѣжденія, не возобладали надъ немощными членами его посредствомъ устрашенія“. Извѣстно и неоднократно указано законами, замѣчаетъ соборъ, что могутъ производить скопища отщепенцевъ. Поэтому соборъ проситъ противъ неистовства отщепенцевъ подать высочайшую помощь, обращая вниманіе, что такая помощь не будетъ необычайна и противна св. Писанію, потому что самъ апостоль Павелъ, какъ видно изъ подлинныхъ Дѣяній апостольскихъ, побѣдилъ злоумышленіе людей безчинныхъ воинскою помощію ²⁾. Очевидно, Карфагенскій Соборъ подразумѣваетъ здѣсь сообщеніе книги „Дѣяній“ о томъ, какъ св. апостоль Павелъ, узнавъ о заговорѣ іудеевъ на его жизнь, обратился къ римскому тысяченачальнику и какъ подъ охраною воиновъ пѣшихъ, конныхъ и стрѣлковъ онъ былъ доставленъ въ Кесарію. (Дѣян. XXIII, 12—35).

Опытъ исторіи свидѣтельствуетъ, что вообще государство можетъ оказывать очень большое вліяніе на упроченіе и дѣятельность на его территоріи той или другой Церкви. Очень много примѣровъ и въ хорошую и въ дурную сторону пред-

¹⁾ Нашъ докладъ I Отдѣлу Предсоборнаго Присутствія 31 мая 1906 года по вопросу объ отношеніи Церкви и государства въ Россіи. Журналы и Протоколы засѣданій Высочайше утвержденного Предсоборнаго Присутствія. Т. I. Спб 1906 г. стр. 328—332 или см По Вопросамъ церковныхъ преобразованій Н. Д. Кузнецова. Москва. 1907 г. отд III и Преобразованія въ Русской Церкви Н. Д. Кузнецова, гл IV стр. 87—90, Москва 1906 г

²⁾ Дѣянія девяти помѣстныхъ соборовъ Изданіе въ русскомъ переводѣ Казанской Духовной Академіи. Казань 1901 г. стр. 114

ставляетъ въ этомъ отношеніи исторія Византіи. Извѣстно также, какая важная роль принадлежала государству, наприм. при распространеніи реформациі въ Европѣ. Фактъ подобнаго вліянія государства отмѣчаетъ и проф. Еллинекъ. Сравненіе отдѣльныхъ современныхъ государствъ, въ которыхъ господствуютъ разные церковно-политическіе принципы, по его утвержденію, доказываетъ, что и теперь государство имѣетъ значительное вліяніе на религіозную жизнь, предоставляя опредѣленныя привилегіи или наоборотъ подвергая ограниченіямъ отдѣльныя церкви или устанавливая законодательнымъ путемъ полную свободу въ сферѣ религіи ¹⁾).

При такихъ условіяхъ, какимъ дѣтскимъ лепетомъ могутъ представляться столь нерѣдкія теперь поученія, да еще по адресу цѣлой Церкви, о необходимости ей самой отказаться отъ всякаго допустимаго для государства участія въ заботахъ объ ея благѣ.

Заботы государства о благѣ Церкви, съ которой оно должно находиться въ нравственно-духовной связи, или, по обычному выраженію, господствующей, очень часто стараются разсматривать какъ привилегію ея со стороны государства. Поэтому инныя политическія партіи въ Западной Европѣ заводятъ рѣчь о несправедливости такого положенія одной церкви.

Характернымъ выраженіемъ подобнаго направленія мыслей и вообще возраженій противъ принципа господствующей Церкви является современный англійскій либерализмъ. Остановить вниманіе именно на немъ важно, потому что англичане вообще люди болѣе другихъ серьезные въ политической дѣятельности, да и идеи ихъ, по свойственной намъ склонности поддаваться всякимъ западно-европейскимъ теченіямъ, находятъ себѣ мѣсто въ умахъ многихъ русскихъ. Пока англійскіе либералы разбираютъ положеніе господствующей церкви въ Англии, которая подъ вліяніемъ протестанскихъ взглядовъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, сдѣлалась частью государства, возраженія ихъ заслуживаютъ полнаго вниманія. Но когда они переходятъ къ общимъ выводамъ и вскрываютъ основанія этихъ выводовъ, то здѣсь очень ясно обнаруживается сильное вліяніе на нихъ происшедшаго въ Западной Европѣ вырожденія понятій религіи и церкви.

¹⁾ Право современнаго государства, т. I, книга I, гл. IV.

Англійскіе либералы, наприм., думаютъ, что религіозная мысль постепенно, по мѣрѣ успѣховъ знанія, должна принимать новыя формы, и уже въ силу этого государство не можетъ способствовать поддержанію какой либо одной изъ религій. Кромѣ того государство, по ихъ мнѣнію, можетъ содѣйствовать лишь тому, что признано всѣми и что можетъ быть доказано на основаніи безспорныхъ принциповъ. „Государство, заявляютъ они, можетъ обучать въ школахъ грамматикѣ, потому что существуютъ грамматическія правила, которыхъ не станеть оспаривать ни одинъ образованный человѣкъ. Государство можетъ выработать строительную санитарную норму, потому что санитарныя правила признаны всѣми. Государство можетъ наказывать за преступленія противъ личности и собственности, потому что составъ преступленія можетъ быть доказанъ на основаніи безспорныхъ принциповъ, а зло, причиняемое имъ внѣ всякаго сомнѣнія. Государство, наконецъ, можетъ содѣйствовать матеріальному благосостоянію населенія, потому что всякому извѣстно, въ чемъ оно заключается“. Природа же религіозной истины, по утверженію англійскихъ либераловъ, а также вопросъ объ истинныхъ догматахъ, устройствѣ и обрядахъ Христіанской Церкви, всегда были предметомъ ожесточенныхъ споровъ между людьми, и никогда Церковь не пользовалась единогласнымъ признаніемъ. Поэтому они, повидимому, совершенно искренно полагаютъ, что признавать какую-либо Церковь господствующей значить угнетать религіозную мысль.

Существованіе господствующей Церкви въ государствѣ, указываютъ они, вызываетъ затѣмъ у иновѣрцевъ чувства недвольства ея привилегіями вслѣдствіе которыхъ въ нихъ терпится несправедливость ¹⁾.

Наконецъ, пока одна изъ сектъ, по выраженію англійскихъ либераловъ, напрягаетъ всю свою энергію на то, чтобы удержать за собою монополію на милости земного государства, а другія секты ведутъ дѣятельную политическую кампанію съ цѣлью уничтожить эту монополію, не возможно ожидать наступленія дня прекращенія религіозныхъ распрей, котораго,

¹⁾ Herbert Samuel. Либерализмъ. Опытъ изложенія принциповъ и программы современнаго либерализма въ Англіи съ введеніемъ Н. Asquith'a (Асквита). Москва 1906 г., стр. 267—270.

по ихъ мнѣнію, желаетъ всякій истинно-правственный человекъ. Поэтому они стремятся установить религіозное равноправіе, которое представляетъ необходимое условіе для возникновенія истиннаго религіознаго братства ¹⁾).

Такимъ образомъ англійскій либерализмъ прежде всего потерялъ увѣренность въ религіозной истинѣ и считаетъ ее для государства менѣе безспорной, чѣмъ, наприм., грамматическія и санитарныя правила или принципы, на основаніи которыхъ доказывается составъ преступленій, и т. д. Въ глубинѣ души онъ относится къ господствующей церкви не болѣе, какъ къ извѣстной группѣ человѣческихъ мнѣній, и въ его соображеніяхъ ясно слышится отзвукъ того, что высказывалъ въ 1789 году Мирабо во Франціи.

При такомъ основномъ соображеніи, конечно, трудно даже и говорить о необходимости для государства нравственно-духовной связи съ Церковью, которая заранѣе отвергается въ своемъ существѣ.

Но странно отрицать возможность такой связи, потому что Церковь не пользуется единогласнымъ признаніемъ людей, подобнымъ признанію ими, наприм., грамматическихъ или санитарныхъ правилъ.

Неужели англійскіе либералы не понимаютъ великаго различія въ признаніи христіанства и такихъ положеній, какъ правила грамматики, истины математики и т. п.? Послѣднія безразличны для нашихъ жизненныхъ интересовъ и ихъ можно принимать независимо отъ стремленій воли. Истины же христіанства глубоко затрогиваютъ все существо человека. Не только жизнь по христіанскому идеалу, обыкновенно требующая сначала немалыхъ усилій, но и самое признаніе христіанства часто ставитъ человека въ противорѣчіе со всѣмъ направленіемъ его жизни. Поэтому христіанство естественно дѣлается предметомъ пререканій, на что есть указаніе даже въ самомъ Евангеліи (Лук. II, 34).

Кажется, именно одинъ изъ англійскихъ философовъ замѣтилъ, что, еслибы положеніе „дважды два—четыре“ противорѣчило экономическимъ интересамъ, то оно не было бы столь очевиднымъ для людей, и вызывало бы споры. Нужно очень мало понимать христіанство и отношеніе къ нему че-

¹⁾ Тамъ же, стр. 288—289.

ловѣческой природы, чтобы отрицать его значеніе для государства на основаніи отсутствія единогласнаго признанія людей. Кромѣ того почему государство можетъ руководиться и способствовать лишь тому, что пользуется всеобщимъ признаніемъ?

Вѣдь при такой точкѣ зрѣнія государство составило бы большой тормазъ для прогресса, за который стоятъ сами же англійскіе либералы. Основываясь лишь на томъ, что признано единогласно относительно науки, философіи и особенно нравственно-духовной области и, поддерживая только это, государство не только задерживало бы движеніе чело-вѣческой мысли, свой собственный прогрессъ, но и рисковало бы направить свою жизнь по ложному пути, а относительно нравственности даже и не найти какихъ-либо твердыхъ общепризнанныхъ положеній. Если бы, наприм., римское государство усвоило взгляды современныхъ англійскихъ либераловъ и передъ вступленіемъ въ нравственно-духовныя отношенія съ Христіанской Церковью вздумало бы основываться на ея всеобщемъ признаніи, хотя бы даже только среди своего населенія, или, примѣняясь къ теперешнимъ стремленіямъ, вздумало бы подвергнуть вопросъ объ истинности христіанства всеобщему прямому тайному и равному голосованію, то навѣрное христіанство получило бы лишь ничтожное количество голосовъ и было бы забалотировано. Государству пришлось бы отвергнуть христіанство, а челоувѣчество можетъ быть не имѣло бы христіанской культуры, и англійскіе либералы вынуждены были бы держаться религіи установленной государствомъ.

Связывая себя съ какой-либо Церковью, государство этимъ вовсе не угнетаетъ религіозной мысли, а напротивъ выдвигаетъ для нея извѣстную норму, чтобы она не ниспадала до поклоненія вещамъ, звѣрямъ и собственнымъ отвлеченіямъ. Поддержаніе въ общественномъ сознаніи извѣстнаго высокаго уровня въ области нравственно-духовной уже само по себѣ дѣйствуетъ возвышающимъ образомъ.

Если англійскихъ либераловъ смущаетъ, что иновѣрцы оказываются недовольными такимъ положеніемъ Церкви, то вѣдь развѣ государственная дѣятельность преслѣдуетъ сдѣлать всѣхъ довольными, и самое понятіе справедливаго дѣйствія опредѣляется всеобщимъ довольствомъ?

Кромѣ того не слѣдуетъ упускать изъ виду, что способствованіе государствомъ поддержанію нравственно-духовной жизни народа при помощи его исторической церкви благотворно отражается и на самихъ иновѣрцахъ. Оно позволяетъ имъ жить при лучшихъ условіяхъ и предохраняетъ отъ того зла, которое наноситъ общественной жизни пренебреженіе со стороны народа нравственными началами.

Въ лицѣ Церкви государство вступаетъ въ отношенія съ тѣмъ коллективнымъ цѣлымъ, которое существуетъ на протяженіи вѣковъ, которое хранитъ въ себѣ христіанскую истину и жизнь и изъ котораго, какъ отъ своей матери, государство получаетъ религіозную жизнь и руководство въ ней. Церковь отнюдь нельзя сводить къ людямъ, живущимъ въ данное время, а потому ее нельзя противопоставлять и разнымъ обществамъ иновѣрцевъ, особенно же отрицающихъ для себя значеніе Церкви, а еще тѣмъ болѣе отдѣльнымъ людямъ, придумывающимъ свою религію.

Въ стремленіи англійскаго либерализма уравнивать положеніе церкви въ государствѣ со всѣми иновѣрцами, ясно лежитъ признаніе, что религія—не болѣе, какъ совокупность современныхъ представленій о Божествѣ, которая уже въ силу этого не можетъ быть обязательной для всѣхъ. Выдѣлять какую-либо одну изъ нихъ, значить въ сущности религіозныя представленія однихъ людей возвышать надъ такими же представленіями другихъ и тѣмъ обижать однихъ, придавая особое значеніе мнѣніямъ другихъ. Поэтому въ качествѣ довода противъ допущенія господствующей церкви ссылаются также на требованія справедливости, по которой положеніе всѣхъ религій должно быть одинаково.

При этомъ уравниваніи въ государствѣ всѣхъ религій онѣ принимаются отвлеченно безъ ихъ исторіи, безъ различія способовъ возникновенія и вліянія на общественную жизнь, словомъ съ отрѣшеніемъ отъ ихъ качествъ и цѣнности.

Но, если государство не представляетъ изъ себя лишь агрегатъ правъ для нормированія общественной жизни людей, если одни формальныя требованія нравственности недостигаютъ цѣли, а религія имѣетъ для государства великое значеніе, то государство, давая то или другое положеніе религіямъ, не можетъ отдѣлять совершенно этотъ вопросъ о цѣнности для него самой религій.

Если государство сознаетъ, что христіанство открыло свойственный нашей природѣ смыслъ и путь жизни, что оно оказало глубокое вліяніе на всю человѣческую жизнь и что имъ духовно питались миллиарды цивилизованныхъ людей, то во имя справедливости какъ разъ и придется выдѣлить въ государствѣ положеніе христіанства, а какъ конкретное выраженіе христіанства ту церковь, съ которой государство исторически росло.

Человѣкъ, воспитанный родителями и духовно поддерживаемый ими въ извѣстные моменты жизни, именно по справедливости не можетъ относиться къ нимъ одинаково съ прочими людьми. Еслибы во имя отвлеченнаго принципа равенства человѣкъ сталъ игнорировать значеніе для него отца и матери, смотрѣть на нихъ только какъ на людей вообще и уравнивать свои заботы о нихъ со всѣми, то справедливость едва-ли признала бы такого человѣка дѣйствующимъ по ея внушенію, а законъ жизни сейчасъ же указалъ бы на нарушеніе имъ его обязанностей. Правильное исключительное отношеніе человѣка къ отцу и матери, конечно, не можетъ быть понимаемо и какъ привилегія имъ со стороны сына и дочери, но составляетъ ихъ прямую обязанность. Подобно этому не только не противорѣчить, но даже требуется дѣйствительной природой государства *въ его собственныхъ интересахъ* способствовать развитію въ народѣ высшей жизни, хранящейся въ Церкви. Построенныя на этой почвѣ отношенія государства къ Церкви вовсе не могутъ быть разсматриваемы какъ данная ей привилегія, которую государство можетъ дать и взять безъ всякаго ущерба для себя, а представляютъ прежде всего выраженіе обязанности государства проявлять заботы о благѣ того, кто питаетъ его духовно.

Наконецъ, англійскій либерализмъ утверждаетъ, что онъ стремится къ установленію религіознаго равноправія, какъ необходимаго условія для возникновенія истиннаго религіознаго братства, но что такое это религіозное братство,—онъ не объясняетъ. Если понимать подъ нимъ состояніе людей, настолько живо и одинаково объединенныхъ общей религіозной жизнью, что именно на этой почвѣ они будутъ чувствовать себя братьями, и будутъ составлять изъ себя какъ бы одно стадо съ единымъ пастыремъ, то

вѣдь для этого необходимо нравственно-свободное принятие людьми одной религии и, конечной, высшей изъ нихъ, уже потому что вкусившій лучшаго не захочетъ потомъ худшаго. Съ появленіемъ христіанства, глубоко измѣнившаго взгляды на религію, высоко подымавшаго значеніе человѣка и развившаго его духъ съ указаніемъ ему способа различія религіозной истины и заблужденія—это единственный путь для образованія истиннаго религіознаго братства.

Поэтому для сдѣйствія возможному истинному религіозному братству государству слѣдуетъ заботиться, насколько ему доступно, объ одной высшей религіи, чему какъ разъ будетъ соответствовать установленіе господствующей церкви, а не ея уничтоженіе.

Но въ представленіи англійскаго либерализма религіозное братство, повидимому, понимается иначе. Во имя, вѣроятно, все той же формальной справедливости онъ, кажется, озабоченъ сохраненіемъ всѣхъ религій съ ихъ основными особенностями, и образованіе братства ихъ онъ желаетъ не черезъ измѣненіе всѣхъ религій по единому образцу, а чрезъ возникновеніе у нихъ едва ли возможнаго психологически чувства солидарности и братства при ихъ коренныхъ различіяхъ.

Подобное стремленіе, свойственное скорѣе древнему языческому міру, стараются обосновать теперь на отвлеченной идеѣ равенства. Братство, по мнѣнію англійскихъ либераловъ, есть дитя равенства и введеніе равенства предшествуетъ ему. Но чѣмъ же можетъ обусловливаться равенство въ области религіи? Въ древнемъ мірѣ, какъ мы видѣли, ихъ уравнивала общая почва политеизма. А въ наше время такимъ уравнивающимъ началомъ стремится сдѣлаться индивидуализмъ въ области религіи, часто сопровождающійся индифферентизмомъ, а нерѣдко еще и признаніемъ всѣхъ религій человѣческими заблужденіями. Конечно, чѣмъ болѣе государство будетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ этихъ началъ, способствуя ихъ распространенію и затемненію религіознаго сознанія, тѣмъ скорѣе пойдетъ и процессъ уравниванія на этой почвѣ всѣхъ религій, подготовляющій желаемое англійскими либералами религіозное братство. Но вѣдь подобное братство, если оно когда либо и образуется,

будеть поддерживаться неполнотой и ослабленіемъ религіозной жизни и будетъ напоминать въ духовномъ смыслѣ, напр братство глухихъ, слѣпыхъ и т. п., котораго побойтся каждый человѣкъ, не лишенный впечатлѣній свѣта и звука и еще не потерявшій способности болѣе широкаго воспріятія жизни.

Такимъ образомъ, не касаясь общей программы англійскаго либерализма, мы видимъ, что въ отношеніи къ Церкви она вся построена подъ вліяніемъ уже разсмотрѣнныхъ нами западно-европейскихъ взглядовъ на церковь и религію, вызванныхъ затемненіемъ этихъ понятій въ сознаніи людей. Поэтому всѣ вытекающія изъ нея возраженія противъ идеи господствующей церкви теряютъ значеніе при другомъ отношеніи къ церкви и религіи, основанномъ на болѣе широкомъ изученіи ихъ природы и вліянія на личную и общественную жизнь людей.

Принципъ господствующей Церкви, конечно, вовсе не направленъ къ преслѣдованію иныхъ вѣръ и нарушенію свободы религіозной совѣсти. Онъ вытекаетъ изъ сознанія необходимости для государства единства нравственно-духовной основы и критерія въ области религіи, ради чего нѣкоторые политическіе мыслители, какъ мы видѣли, находили даже нужнымъ установленіе общеобязательной государственной религіи. Принципъ этотъ соотвѣтствуетъ принесенной христіанствомъ увѣренности въ религіозной истинѣ и стремленію христіанства устроить при помощи высшей религіи свободное религіозное братство, привести всѣхъ людей къ единому Пастырю.

Государство, признающее, напр., господствующей Церковью Православную уже въ силу своихъ отношеній—къ ней не должно допускать насилій въ дѣлахъ вѣры, принудительно удерживать въ Церкви людей и вообще нарушать свободу совѣсти. Охраняя единство своей религіозно-нравственной основы и сознавая предѣлы своей власти, государство, вполне согласно и съ духомъ господствующей церкви, должно безразлично относиться ко всѣмъ прочимъ религіямъ и предоставить ихъ собственной участи, не вмѣшиваясь въ ихъ жизнь, пока они не нарушаютъ общихъ законовъ государства. Лучшимъ выраженіемъ того внѣшняго правоотношенія, которое должно установиться между государственнымъ порядкомъ и иновѣрными религіозными общинами, является

признаніе ихъ въ качества частныхъ обществъ или корпорацій.

Такое положеніе ихъ достаточно удовлетворяетъ стремленію охранить свободу совѣсти, какъ неотчуждаемое право человека, и даетъ этому праву законную защиту. Признаніе же за каждой религіей обще-государственнаго значенія и надѣленіе ихъ общинъ публичными правами совершенно не входитъ въ требованіе принципа свободы совѣсти. Сообщая какой-либо религіозной общинѣ публичныя права, государство этимъ ясно показываетъ, что задачи и формы религіозной жизни данной общины не только допускаются его юридическимъ порядкомъ, но и признаются имъ, какъ его извѣстная часть, и что самый государственный порядокъ долженъ способствовать ихъ реализаціи. Но вѣдь это вовсе не стоитъ въ связи съ предоставленіемъ религіозной свободы и отсутствіе этого нисколько не препятствуетъ общинамъ сохранять ихъ религіозный характеръ. Если слѣдовать даже современнымъ ученіямъ человѣческой мысли, то и они стараются установить, что этого-то какъ разъ и нужно избѣгать, что государство не должно признавать никакихъ религій и что полное отдѣленіе ихъ отъ государства необходимо для религіозной свободы.

Теченія эти, будучи въ глубинѣ атеистическими, стремящимися къ возможно полному разрыву съ христіанствомъ, не придають значенія для государства никакой религіи. Поэтому они настаиваютъ на объявленіи частными корпораціями всѣхъ религіозныхъ обществъ безъ исключенія. Но государству не атеистическому, сознающему необходимость связи съ религіозно-правственнымъ началомъ въ его конкретной формѣ, нужно, какъ мы видѣли, выдѣлить одну изъ церквей и оградить ея общественное значеніе извѣстными публичными правами.

Въ этомъ только смыслъ и можно понимать ясно сохраненное въ Россіи Государемъ Императоромъ и по прежнему обезпечиваемое основными государственными законами положеніе Православной Церкви какъ первенствующей и господствующей. Въ своемъ законодательствѣ объ измѣненіи государственнаго строя въ Россіи Государь Императоръ явно желалъ произвести свои преобразованія на христіанскихъ, а не на атеистическихъ началахъ, и въ своихъ руководя-

щихъ указаніяхъ выражалъ христіанскія стремленія. Наприм., въ Указѣ Сенату 17 апрѣля 1905 года онъ объявилъ, что „въ постоянномъ по завѣтамъ Предковъ общеніи со Святою Православною Церковью неизмѣнно почерпая для себя отраду и обновленіе силъ душевныхъ, Мы всегда имѣли сердечное стремленіе обезпечить и каждому изъ нашихъ подданныхъ свободу вѣрованія и молитвъ по велѣнію его совѣсти“.

Такимъ образомъ Государь Императоръ вовсе не имѣлъ въ виду стать на точку зрѣнія безразличія, а еще тѣмъ болѣе иллюзорности всѣхъ религій. Очевидно, Онъ стремился лишь уничтожить, къ сожалѣнію, существовавшія у насъ разнаго рода принужденія и насилія въ дѣлахъ вѣры, и, какъ членъ Православной Церкви, не потерявшій увѣренности въ христіанской истинѣ, Онъ скорбитъ о всякихъ религіозныхъ заблужденіяхъ, искренно желая всѣмъ подданнымъ съ полною правственнно-духовною свободой соединиться съ Православною Церковью. Поэтому и принципъ свободы религіозной совѣсти, провозглашенный въ Манифестѣ 17 октября 1905 года, долженъ быть понимаемъ лишь въ связи съ этимъ направленіемъ новаго законодательства, признающаго по-прежнему исключительное положеніе въ Россіи Православной Церкви. Во всякомъ случаѣ принципъ свободы совѣсти, провозглашенъ въ Россіи въ его христіанскомъ, а не атеистическомъ смыслѣ, т. е. съ сохраненіемъ увѣренности въ религіозной истинѣ, содержимой Православною Церковью. Провозглашеніемъ его навѣрное не имѣлось въ виду подорвать значеніе обязательнаго и для государства, желающаго поддержанія связи съ религіознымъ началомъ, символа вѣры: „Вѣрую во единую, святую, соборную и апостольскую Церковь“...

Христіанскому же пониманію принципа свободы совѣсти, какъ видимъ, не только не противорѣчить, но скорѣе именно соответствуетъ установленіе положенія Православной Церкви въ качествѣ господствующей, а не уравненіе ея со всѣми вѣрами по нежеланію имѣть связь съ религіей или по неизвѣстности, гдѣ искать религіозную истину.

Къ удивленію, лица, участвовавшіе въ качествѣ представителей Вѣдомства Православнаго Исповѣданія въ комиссіи Государственной Думы по дѣламъ Православной Церкви

при разсмотрѣннн въ ней законопроекта о старообрядческихъ общинахъ,—старались отрицать провозглашеніе въ Россіи принципа свободы религіозной совѣсти ¹⁾).

Московскій Епархіальный миссіонеръ г. Айвазовъ утверждалъ, что въ манифестѣ 17 октября 1905 года будто-бы „и мысли нѣтъ о сферѣ религіозной“. Манифестъ, по объясненію г. Айвазова, говоритъ лишь о „гражданской свободѣ“ и имѣетъ въ виду свободу совѣсти въ гражданской жизни, а не религіозной ²⁾. Но всѣ эти соображенія о какой-то свободѣ совѣсти лишь въ области гражданской жизни, кажется, выросли, просто на почвѣ незнанія, что въ составъ, такъ называемой, гражданской свободы входитъ между прочимъ и свобода религіозной совѣсти.

Другой представитель Вѣдомства Православнаго Исповѣданія, чиновникъ особыхъ порученій при Оберъ-Прокурорѣ св. Синода, г. Скворцовъ, повидимому, соглашался съ этимъ. А третій представитель того же вѣдомства, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Исполтовъ, ничего не возражалъ противъ подобнаго толкованія г. Айвазовымъ одного изъ основныхъ актовъ, установившихъ въ Россіи новый государственнй строй.

Самъ св. Синодъ все время, повидимому, безразлично и вообще какъ-то странно относится къ вѣроисповѣднымъ законамъ, затрогивающимъ положеніе въ Россіи Православной Церкви. До сихъ поръ, наприм., мы не слышимъ голоса св. Синода, разясняющаго провозглашенный въ Россіи принципъ свободы совѣсти. Мы ждали также, что въ виду усиленнаго навязыванія старообрядцами своихъ взглядовъ правительству св. Синодъ самъ выскажетъ что-либо о сущности старообрядчества и его отношеній къ Православной Церкви. Даже при обсужденіи вѣроисповѣдныхъ законовъ въ Государственной Думѣ, когда нѣкоторые депутаты старались воспользоваться отвлеченнымъ принципомъ свободы совѣсти въ цѣляхъ враждебныхъ Церкви, а иные и прямо поносили Церковь, представители духовнаго вѣдомства пребывали въ

¹⁾ Заключение комиссіи по дѣламъ Православной Церкви по законопроекту о старообрядческихъ общинахъ Приложение къ № 412

²⁾ Приложение къ заключенію комиссіи по дѣламъ Православной Церкви № 5, стр. 22.

Г. Думѣ въ полномъ безмолвіи. Все это вызываетъ большія недоумѣнія въ народѣ и многихъ располагаетъ къ сомнѣнію, ужъ не выразили-ли гг. Скворцовъ и Айвазовъ мнѣніе св. Синода.

Но что ни утверждали бы гг. миссіонеры, а свобода именно религиозной совѣсти провозглашена въ Россіи Государемъ Императоромъ. Она требуется самымъ духомъ и задачами Православной Церкви и, конечно, повторяемъ, должна быть понимаема въ ея христіанскомъ, а не атеистическомъ смыслѣ, съ сохраненіемъ исключительнаго положенія Православной Церкви. На этихъ основаніяхъ и должно быть построено все вѣроисповѣдное законодательство.

При такихъ только условіяхъ могутъ быть выполнены предначертанія относительно него Государя Императора, къ чему и считаютъ себя призванными Государственная Дума и Государственный Совѣтъ, какъ неоднократно заявляло объ этомъ большинство ихъ членовъ.

Н. Кузнецовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
